

УДК: 342

Баранов Юрий Васильевич

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного и муниципального права,
Московский государственный областной университет
kaf-kmp@mgou.ru

Yury V. Baranov

Ph.D., Associate Professor

Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of
Moscow State Regional University

kaf-kmp@mgou.ru,

**Правоприменительная практика
Московского совестного суда по уголовным делам**

Law-enforcement practice of the Moscow conscientious criminal court

Аннотация. Роль совестного суда оценивается исследователями невысоко, т.к. ему присущ декларативный характер, и, следовательно, низкая эффективность. При отсутствии властных полномочий, его решения носили рекомендательный характер, но нужно учитывать, что нравственная составляющая имела огромное значение. Впервые в стране действовал суд, рассматривавший дела по справедливости и считавший высшей ценностью естественные права человека. В статье на архивном материале разбирается принцип *Ius natural* в правоприменительной практике Московского совестного суда. При разбирательстве дела судьи, руководствуясь данным принципом, существенно облегчали участь подсудимого, что способствовало не только уменьшению наказания, но смягчению нравов. И хотя уменьшение наказания, с современной точки зрения, не представляется существенным, для того времени это был прорыв. В общество постепенно проникали идеи человеколюбия, почтения и отказа от угнетения или притеснения человека.

Ключевые слова: совестный суд, приговор, малолетние, колдовство, безумие, убийство, кража, суицид, членовредительство, осквернение.

Annotation. The role of a joint court is estimated by researchers low, because it is inherent in the declarative nature, and, consequently, low efficiency. In the absence of authority, his decisions were of a recommendatory nature, but it must be borne in mind that the moral component was of great importance. For the first time, there was a court in the country that tried cases with justice and considered natural human rights to be the highest value. The article on archival material deals with the principle of *Ius natural* in the law enforcement practice of the Moscow Sovestny Court. In the course of the proceedings, the judges, guided by this principle, greatly alleviated the fate of

the defendant, which contributed not only to a reduction in punishment, but also a softening of morals. And although the reduction of punishment from the modern point of view does not seem to be significant, for that time it was a breakthrough. The ideas of philanthropy, respect and refusal from oppression or oppression of a person gradually penetrate into society.

Keywords: *conscientious trial, sentence, juvenile, witchcraft, madness, murder, theft, suicide, self-harm, desecration.*

Екатерина II своим Указом о губерниях 1775 г. повелевала создать совестные суды по одному в каждой губернии, в составе судьи и шести заседателей — по два представителя от дворян, горожан и крестьян. Самостоятельно совестный суд никакого дела не возбуждал, он только рассматривал уголовные дела, присланные из других судов, в которых источником преступления была не сознательная воля преступника, а физический или нравственный недостаток, безумие, малолетство, суеверие.[1]

Находить истину суд должен «больше милосердием и увещиванием»[2]. А при принятии решений опираться не только на законы, но и естественную справедливость (*ius naturale*), обращая внимание на человеколюбие, почтение к особе ближнего и отвращение к угнетению или притеснению, «совестный суд никогда судьбы ни чьей да не отяготит» [3]. Таким образом, совестный суд должен был смягчить жёсткость закона, а при необходимости, восполнить его отсутствие.

Реализацию принципа *ius natural* московского совестного суда можно проследить на богатом архивном материале. В январе 1786 г. московский совестный суд рассматривал присланное из палаты уголовного суда дело дворовой девки князя Масальского Афимьи Семеновой, убившей своего незаконнорожденного младенца. На допросе в уголовной палате она показала, что убила его, проведя ножом по горлу, и на основании ст. 26 гл. XXII Соборного Уложения ей грозила смертная казнь. Своим чистосердечным раскаянием она подтвердила, что «учинила сие преступление не по злости, но от стыда и страха, быв в отчаянии и в иссуплении ума». Совестный суд приказал вышеозначенную девку Афимью Семенову отослать в здешнюю управу благочиния с тем, чтобы управа отправила её «к епархиальному архиерею для определения по правилам святых отцов на церковное покаяние». А по исполнении его отдать её под расписку господину князю Масальскому. Дело было закрыто и вместе с решением совестного суда отправлено обратно в уголовную палату.[4]

Таким образом, за убийства, совершенные в «состоянии иссупления», совестный суд назначил церковное наказание вместо смерти. По «Воинском артикулу» Петра I колдуны, чародеи подвергались суровому наказанию вплоть до сожжения на костре (Воинский артикул, ст.1, гл. I). Но времена изменились, и колдовство перестало

считаться тяжким преступлением, это «лишь глупость, обман и невежество». С 1755 г. дела о чародеях и колдунах разбирали совестный суд. Источники показали, что люди в трудных жизненных ситуациях, в желании устроить свою жизнь и быть счастливыми прибегали к волшебству.

В управе благочиния слушалось дело Авдотьи Федоровой. В ходе судебного разбирательства выяснилось, что она давала снадобье, усиливающее любовь, Марфе Федоровой для употребления их её мужем, Петром Родионовым. Те травы были освидетельствованы в конторе государственной медицинской коллегии. Аптекарь конторы установил, что «ничего в их человеческому заражению вредно не оказалось». Дело передали в совестный суд, т.к. Авдотью Федорову обвинили в колдовстве.

Судьи считали, в отличие от аптекаря конторы, что «действия некоторых кореньев человеческому здоровью великий вред нанести могут», а Авдотья Федорова убеждала в силе трав легкомысленных крестьян, ту же Марфу Федотову, и «могла приводить их к недозволенным и иногда и вредным поступкам». Суд вынес решение женку Авдотью Федорову отослать в работный дом на один месяц, а после взять у неё подписку, что впредь она «от таких поступков удержалась», и освободить. Определение суда отослали в управу благочиния.[5]

В мае 1860 г. совестный суд разбирает дело о причинении побоев крестьянину господина Дубовицкого Кириллу Павлову. Из дела видно, что коломенские мещане Михайло, Петр и Иван Дудин и зять их мещанин Николай Бычков оговорили крестьянина Кирилла Павлова в колдовстве и порче новобрачной жены Петра Дудина мещанки Пелагеи Ивановой, которая сразу же после свадьбы два дня билась в судорогах. Павлов К. в причинении болезни колдовством и порчей не сознался, а мещанка Пелагея Иванова никакого подозрения на Павлова и самой веры в порчу не изъявила. Совестный суд, считая «дела колдунов или колдовства поелику в оных заключается глупость, обман и невежество», решил взыскать с мещанина Михаила Дудина в вознаграждение крестьянина К. Павлова за бесчестье 10 руб. серебром, из которых Павлову вручить 5 руб. 20 коп., а остальные 4 р. 80 коп. вычесть у Павлова за пользование им медицинскими пособиями.[6]

Разбирая дела несовершеннолетних, суд в первую очередь руководствовался Указом от 26 июня 1765 г., согласно которому, преступника моложе 10 лет отдать отцу, матери или помещику; от 10 до 15 лет наказывать розгами; от 15 до 17 лет — плетьюми.[7]

Малолетний сын крестьянина Григория Астафьева Василий катался на лошадях и задавил крестьянку Алексееву. Решением суда ребенка «следовало подвергнуть исправительному, по распоряжению его родителя, наказанию с преданием сверх сего церковному покаянию, по усмотрению духовного епархиального начальства». Приговор суда зачитан отцу

мальчика и с него взята подписка и подшита к делу. Решение суда было исполнено. [8]

Крепостная девка Евгения Васильевна Волчнева из Переяславского уезда была судима за самовольную отлучку из места своего жительства. Будучи несовершеннолетней, суд определил ей наказание при полиции 20-ударами плетьюми и затем отдать в отчину, т.е. помещику.[9]

В московском уездном суде слушалось дело по обвинению малолетнего фабричного ученика Семена Яковлева в краже им у крестьянина В. Васильева с постоянного двора лошади. Во время допроса с увещанием священника он признался в совершенном преступлении. По справке, полученной из казенной палаты, ему оказалось 12 лет, и дело передали в совестный суд. Согласно закону, члены суда приказали «Семена Яковлева за учиненную им кражу наказать розгами и по наказании отдать в помянутую суконную мануфактуру (где он работал - Ю.Б.). Притом с подтверждением буде впредь он, Яковлев, попадетя в подобное сем преступлений, тогда уже он не избежит всей строгости законов». Управа благочиния должна была исполнить решение суда и известить его об этом.[10]

Два подростка — купеческий сын Николай Петрович Сатаров и мещанский сын Лука Иванович Саловников — предстали вместе с другими перед судом по подозрению в сломе могильного креста и принесение его к дому солдатской дочери Кабловой, а также в измазывании дегтем ворот дома купца Карпова. В ходе разбирательства суд указал на неправильные действия Богородского городничего по сему делу. В частности, он не расспросил изветчиков (доносчиков —Ю.Б.) и не учел, в какой мере их показания заслуживают внимания, без всякого основания вызвал на допрос подозреваемых. Донос на Сатарова, по словам изветчиков, был основан лишь на одном предположении, т.е. на данных, а не на уликах. Их вину установить не удалось. Несовершеннолетние — Сатаров и Сальников — были освобождены за недостаточностью улик, а остальные совершеннолетние предстали подлежащему судебному месту.[11]

Рекрутские наборы в армию являлись настоящим бедствием для крестьянского сословия, и последние стремились всеми способами не попасть на пожизненную солдатскую каторгу. Крепостной г. Мусина-Пушкина Михаил Максимов был осужден за членовредительство, чтобы избежать рекруторства. Суд установил, что он умышленно повредил себе большой палец правой руки. На момент совершения ему не было 17 лет, и суд полагал отдать его в военную службу без телесного наказания.[12]

Из 1-го департамента Московского надворного суда в совестный суд поступило дело дворового человека поручика Василия Лопухина Я. Сидорова. В ходе расследования дела в надворном суде было установлено, что Яков Сидоров резал себе ножом горло и прочие части тела. Кроме того, он ранил ножом Ульяну Иванову господина Поливанова, дворовую

девку Анисью Михайлову в состоянии беспамятства и помешательства от пьянства. Был отправлен на лечение в Екатерининскую больницу, а дело передано в совестный суд.

Судьи сделали запрос в Московский приказ общественного призрения: был ли в состоянии помешательства преступник по время преступления или нет? Из Приказа прислали следующую записку: «во время нахождения его в больнице был в совершенном рассудке и помешательство ума в нем никакого не примечено». Отсутствие доказательств безумия Якова-Сидорова вынудило прекратить рассмотрение дело данным судом, и оно было отправлено в Московский надворный суд в 1-й департамент [13]

В ноябре 1848 г. в Москве арестовали бродягу, который на допросе назвался Иваном Петровым из города Саратова, на вид имел возраст 20 лет. Он сообщил, что его мать звали Агафья Иванова, отца он не знал, как и дату своего рождения и крещения, никогда не исповедовался и у Святого Причастия не бывал. Совестьный суд разобрал дело Ивана Петрова и признал его бродягой, подлежащего отдаче в солдаты. В случае неспособности к военной службе, отправить в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на 10 лет, а по истечении срока или негодности к работам в этих ротах, отослать в отдаленные губернии империи на усмотрение МВД. Клеймо буквы «Б» не накладывать и привести его к причастию и церковному покоянию. [14]

Подводя итоги, можно отметить, что московский совестный суд рассматривал гораздо большее количество дел, чем требовал закон, например, о бродяжничестве, святотатстве. В его правоприменительной практике широко применялся принцип человеколюбия. Освобождение или смягчение наказания за совершенное преступление без умысла с нравственной точки зрения имела огромное положительное значение. В обществе глубже и шире стало внедряться милосердие, что не могло не сказаться на его нравах.

Литература:

1. Учреждения для управления губерний всероссийской империи . // ПСЗ.Т.ХХ №14392.

2. Указ «Об обращении впадших в преступление, больше увещеванием, нежели строгостью, и о непроезде пыток в приписных городах». // 17 февраля 1763 г. ПСЗ. Собр. I. Т. 16. № 11759.

3. Учреждения для управления губерний всероссийской империи . // ПСЗ.Т.ХХ №14392.

4. ЦГИА г. Москвы. Ф. 91. Оп.2. Д.1. Л.426,426 оборот,427.; Хрестоматия по истории государства и права России: Ю.П. Титов – 2-е издание-М.:ТК Велби , Изд-во Проспект, 2007.С135

5. ЦГИА г. Москвы. Ф. 91. Оп.2. Д.1. Л.268, 268 оборот.

6. Ф. 91. Оп.2 Д.678. Л. 29.29 оборот, 88, 1860 г.

7. Указ « О производстве дел учиненных несовершеннолетними и о различии наказания по степени возраста преступников». 26 июня 1765 г// ПСЗ. Собр. I. Т. 17. № 12424.

8. ЦИАМ. Ф. 91. Оп.2. Д.90. Л.128, 128 об.; 160 оборот.

9. Ф.91.Оп.2. Д.82. Л. 884 -888 вкл. оборот.

10. ЦГИА г. Москвы. Ф. 91. Оп.2. Д.1. Л.429, 429 оборот.

11. ЦГИА г. Москвы. Ф. 91. Оп.2. Д.83.Л. 194- 199 вкл. обор.

12. ЦГИА г. Москвы. Ф. 91.Оп.2 Д.82. Л.315-317 вкл. обор.

13. ЦГИА г. Москвы. Ф. 91. Оп.2» Д. 404. Л.1-3.

14. ЦГИА г. Москвы. Ф. 91. Оп.2. Д.82. Л.492-494 вкл. оборот.

Bibliography:

1. *Institutions to govern the provinces of the All-Russian Empire.* // PSZ.T.HH No. 14392.

2. *The decree "On the treatment of those who have fallen into a crime, more admonition than severity, and on the non-production of torture in registered cities".* // February 17, 1763 PSS. Collected I. Vol. 16. No. 11759.

3. *Institutions to manage the provinces of the All-Russian Empire.* // PSZ.T.HH No. 14392.

4. *TsGIA of Moscow. F. 91. Op.2. D.1. L.426,426 turnover, 427 .;* *Readings on the history of the state and law of Russia: Yu.P. Titov - 2nd Edition-M.: TK Velbi, Prospect Publishing House, 2007.C135*

5. *TsGIA of Moscow. F. 91. Op.2. D.1. L. 268, 268 revolution.*

6. *F. 91. Op.2 D.678. L. 29.29 Turn, 88, 1860*

7. *The decree "On the production of cases committed by minors and the difference in punishment according to the degree of age of the perpetrators"* June 26, 1765 / PSZ. Collected I. Vol. 17. No. 12424.

8. *ЦИАМ. F. 91. Op.2. D.90. L.128, 128 about; 160 turns*

9. *F.91.Оп.2. D.82. L. 884 -888 inc. turnover.*

10. *TsGIA Moscow. F. 91. Op.2. D.1. L.429, 429 turn.*

11. *TsGIA of Moscow. F. 91. Op.2. D.83.L. 194-199 incl. equipment*

12. *TsGIA of Moscow. F. 91.Оп.2 D.82. L.315-317 incl. equipment*

13. *TsGIA of Moscow. F. 91. Op.2. D. 404. L.1-W.*

14. *TsGIA of Moscow. F. 91. Op.2. D.82. L.492-494 incl. turnover.*